

III. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ИМЕНИ ПУШКИНА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Достоиную отповедь на свои клеветнические измышления де Молен и его единомышленники получили в статье французского журналиста, которая появилась в «Revue des Deux mondes» 1 октября 1847 г. и называлась так: «Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans. (Oeuvres choisies de Pouchkine, traduites par m. H. Dupont)» («Пушкин и литературное движение в России за сорок лет. (Избранные произведения Пушкина, переведенные г. Дюпоном)»).

Автор статьи Шарль де Сен-Жюльен (Charles de Saint-Julien) также не был оригинален и одинок в своей защите Пушкина от нападок де Молена, как и последний в своих нападках. Еще в двадцатых годах в «Revue encyclopédique» французы читали почти из номера в номер похвалы «живости и правдивости» гения Пушкина, поэта «независимого и оригинального», талант которого вырастает тем более, чем более встречает препятствий. В одной из заметок Шопена интересно прямое указание на то, что сила гения Пушкина обнаруживалась вопреки гнету самодержавия. «Чтобы как следует понять и оценить Пушкина, — писал Шопен, — не следует забывать режим абсолютизма, который управляет этой обширной империей»¹.

Высокие оценки гения Пушкина можно найти и в позднейших журнальных статьях. Особенно интересна статья в «L'Illustration» 1845 г., в которой Пушкин назван был первым русским национальным поэтом. «Натура чиста русская всегда и везде, в самой манере чувствовать, мыслить и любить», — писал автор статьи. В произведениях Пушкина он видел высшее поэтическое выражение русской жизни с ее радостями и печалью. Редкий поэт обладает таким живым чувством действительности, такую способность воспроизведения реальной жизни во всех ее подробностях, — писал он. Критик особенно отмечал в произведениях Пушкина отсутствие культа своего я, какого бы то ни было эгоизма, неприятно вторгающегося во все современные произведения, и видел в этом отличительное свойство пушкинской музыки. «Пушкин бесспорно заслуживает всеобщей известности, и мы твердо убеждены в том, что его прекрасные произведения такие, как „Евгений Онегин“ и некоторые повести (особенно удивительная „Капитанская дочка“), понравились бы, — заканчивал критик «L'Illustration», — французским читателям, которые не могли бы отказать в чувстве симпатии этому мужественному, пламенному, свободному и правдивому таланту»².

Статья Сен-Жюльена в «Revue des Deux mondes» не ограничивалась рассмотрением творчества Пушкина, но поставила себе задачей показать движение русской литературы за сорок лет, то есть от первых лет XIX в. до текущего 1847 г. — года написания статьи. Сен-Жюльен провел пятнадцать лет в России (1831—1846), владел русским языком и, будучи преподавателем французской литературы в Петербургском университете, имел возможность общаться с представителями русской науки и литературы. Историк университета характеризует его как поклонника Ламартина и В. Гюго, почитателя Огюстена Тьерри и сообщает, что он в молодости слушал лекции Гизо и Вильмена. Преподавание Сен-Жюльена в Петербургском университете было проникнуто «идеями, поражающими новостью слушателей Толмачева и Бутырского». Сен-Жюльен издал несколько сборников своих стихов, учебных руководств, путеводитель по Петербургу и сотрудничал в парижских изданиях, помещая в них статьи о русских писателях. Осенью 1846 г. он вышел в отставку, получив звание члена-корреспондента Петербургского университета, и уехал в Париж³.

В статье Сен-Жюльена о Пушкине много и крупных и мелких промахов, ошибок, заблуждений, свидетельствующих, что о России судит иностранец с чужих слов и со слов людей разных идеологий и литературных взглядов. Особенно слаб обзор русской литературы до Пушкина, да и в рассказе о Пушкине есть такие суждения, которые, не имея в себе ничего злостного, все же искажают образ поэта и историю развития его гения. Но, читая статью Сен-Жюльена, особенно ее последнюю часть, нельзя не заметить, что автор оказался не чужд вопросам, обсуждавшимся передовой русской журналистикой сороковых годов, более того — не чужд идеям, проводившимся в статьях Белинского. Однако ни имени Белинского, ни даже названия журнала «Отечественные записки» в статье нет, хотя другие журналы и критики упоминаются.

Сен-Жюльен мало уделил внимания Дюпону и его переводам. Жалея о том, что французские писатели не пытаются перевести Пушкина, он объяснял это исключительной трудностью глубоко проникнуть в дух русского языка, овладеть его богатством и своеобразием. «Русский язык, — писал Сен-Жюльен, — это язык, реальный смысл выражений которого варьируется бесконечно, а поэтический смысл еще более; это язык мягкий и суровый, богатый и образный, которого общие основы и частности, характер, обороты, выражения не находят никакой аналогии в языках западноевропейских». Знания грамматики и словаря слишком мало, чтобы решиться на перевод такого поэта, как Пушкин, — утверждал Сен-Жюльен; пока переводчик не проникнет во все богатства русского языка, от чего Дюпон очень далек, до тех пор по переводам произведений Пушкина нельзя судить о достоинствах и оригинальности русского поэта.

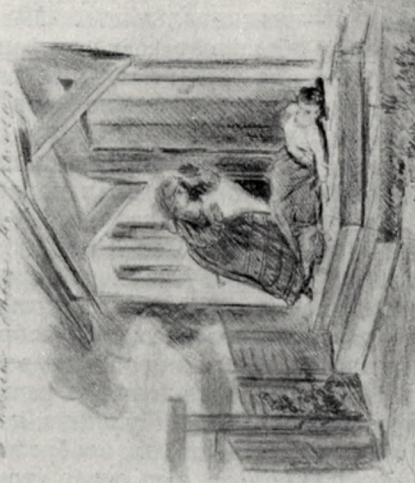
Задача статьи Сен-Жюльена заключалась в том, чтобы дать представление об интенсивной жизни русского общества на протяжении первых сорока лет XIX столетия, жизни, которая отразилась на творчестве Пушкина и на которую это творчество, с своей стороны, оказало сильнейшее влияние. Зная, что ему приходится обращаться к читателям, привыкшим к суждениям о России, подобным суждениям де Моленов, Сен-Жюльен начинал с того, что разбивал примитивное и грубо невежественное представление французов о русском обществе и о составляющих его классах.

«Народ, который в течение девяти веков, наперекор самым чудовищным превращениям истории, показывал наиболее блестящие примеры храбрости и патриотизма, такой народ заслуживает, чтобы о нем не судили так поверхностно...», — эти строки обращены к тем из французов, которые не видели в русской нации ничего, кроме массы «рабов», согнувшихся под «татарским» кнутом самодержавия. «Русская нация, — писал он, — имеет свое существование, совершенно независимое от политики своего правительства; и, вместо того, чтобы судить о нации à priori, надо присмотреться к ее общественной жизни, изучить ее характер, нравы и обычаи». «У нас совершенно не представляют тех многочисленных и противосложных элементов, которые составляют в совокупности ткань русской нации. Мы считаем, например, что существуют всего два класса в русском обществе — дворяне и рабы». Жюльен указывает, что недостаточно судить о первых по нескольким титулованным москвитам, приезжающим из любопытства в Европу, или дипломатам, забывшим русский язык и обычаи. «Что касается рабов, то мы имеем для них совершенно готовую модель: рабы нашего средневековья». Далее Сен-Жюльен говорит о многослойности русского дворянства, от потомков древних бояр до недавно выслужившихся чиновников. Он сообщает о классе «чиновников» (он так и пишет латинскими буквами — *tchinovniki*), которые представляют в обществе элемент робкий, но недовольный. Затем он говорит о растущем влиянии класса купцов и о мещанстве, которому предстоит в будущем слиться с купечеством и образовать класс русской

И горю, и плачу, и в слезах
 Твоих стою, и в слезах
 Тебя ищу, и в слезах
 Тебя ищу, и в слезах
 Ты же спишь, и в слезах
 Ты же спишь, и в слезах
 Ты же спишь, и в слезах
 Ты же спишь, и в слезах
 Ты же спишь, и в слезах
 Ты же спишь, и в слезах

О не забудь, не забудь
 Не забудь, не забудь
 Не забудь, не забудь
 Не забудь, не забудь
 Не забудь, не забудь
 Не забудь, не забудь
 Не забудь, не забудь
 Не забудь, не забудь

С. П. Соколов
 1850-1860-е гг.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОЭМЕ «ПОЛТАВА» ПУШКИНА
 Рисунки Шав. П. Соколова, 1850—1860-е гг.
 Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

буржуазии. Говоря о крепостных крестьянах, он подчеркивает их связь с землей. Отмечая существование еще более мелких делений внутри названных классов, противоречие их интересов, взаимную вражду, зависть и т. д., он указывает, что все же все они сливаются в одном чувстве — имя которого *la nationalité* — национальность. «Мы произнесли слово, — писал он далее, — которое объясняет всю внутреннюю работу России, все ее литературное движение за сорок лет. Здравым смыслом русские понимают, что только национальное сознание одно может дать России цену и реальную силу перед Европой».

В плане развития и укрепления идей национальности и рассматривает Сен-Жюльен творчество Пушкина, сделав первоначально краткий обзор истории древней литературы и литературы XVIII века.

Совершенно несомненно, что Сен-Жюльен отвечал непосредственно де Молену, когда писал по поводу раннего периода творчества Пушкина, его вольнолюбивых стихов и кары, его постигшей: «Думают, что самодержавие и свободное развитие поэтического воображения — вещи несовместимые», что «политическая свобода необходима для развития поэзии и поэтому отрицает возможность появления и развития великого поэта под небом России». Приводя в пример Пушкина и Мицкевича, Сен-Жюльен восклицает: «Кто смеет сказать, что их воображение было менее независимо, чем автора Чайльд Гарольда, кто смеет утверждать, что в их поэмах менее живо дышит чувство свободы и человеческого достоинства, чем в поэмах Байрона?»

Доказывая оригинальность творчества Пушкина, Сен-Жюльен решительно отвергал влияние на него европейских писателей, в частности — Байрона. По его мнению, в восточных поэмах Байрона представлены лишь ловко костюмированные герои, а в поэмах Пушкина выведены реальные, живые люди. Сен-Жюльен отвел много места анализу «Цыган» и их идеи, «Евгению Онегину» и особенно «Борису Годунову» и «Полтаве», восторженно отозвавшись о глубине национальной мысли Пушкина и о художественности ее воплощения.

Во второй главе своей статьи Сен-Жюльен много внимания уделяет истории русского языка и тому значению, которое имела для его обновления пушкинская проза. Говоря об исторических трудах Пушкина и о «Капитанской дочке», Сен-Жюльен серьезно задумывается над тем, как бы разрешил Пушкин вопрос о роли Петра в своей «Истории» и какое громадное значение для познания России имеет нарисованная Пушкиным «жакерия», т. е. изображение пугачевского восстания. Подводя итоги своего обзора, Сен-Жюльен писал: «Что касается Европы, то надо сказать, что она остается слишком безразличной к той роли, которую сыграл Пушкин в своей стране. Франция особенно долго имела лишь смутное представление о том большом литературном движении, которое начал и направлял один человек — Пушкин».

Приступая к повествованию о русской литературе послепушкинской поры, Сен-Жюльен говорит о том, как изменилась та литературная среда, в которой суждено было созреть далее мыслям Пушкина. Из аристократических верхов они проникли «в более низкие слои», где дали могучие побег. Еще при жизни Пушкина стали появляться литераторы в классе чиновников и в тех сословиях, которые могут быть названы средним сословием России. Для развития литературы большое значение имели университеты, где студенты — не дворяне — с жадностью приобщались к знанию. О русских университетах тридцатых годов Сен-Жюльен писал: «Это был действительно источник, откуда умственные течения несли мысли Пушкина в более низкие слои общества, питали ими их и оплодотворяли. Так рождалась современная литература России, которую мы не назовем буржуазной, так как в России этот термин не может иметь того

смысла, как у нас; которую мы не можем назвать народной, потому что ее влияние еще очень ограничено, но которую мы без страха назовем **национальной**».

Однако Сен-Жюльен понимал, что проблема осознания национальности к сороковым годам уже не являлась основной. Национальность, — писал он, — была уже осознана, и начался новый период в русской литературе. Две тенденции — одна сатирическая и комическая, другая — возвышенная и серьезная господствуют в настоящее время в ней. Первая олицетворяется в Гоголе. Смелость его сатиры показывает, как далеко ушла вперед со времен Пушкина русская литература. Прямым наследником Пушкина явился Лермонтов, основную идею творчества которого Сен-Жюльен видит в «страстном порыве к свободе», проникающем его творчество.

Характеристику литературы сороковых годов, литературы демократизирующейся, пронизанной, с одной стороны, сатирическим началом, а с другой — возвышенными мыслями о свободе, Сен-Жюльен заключил ссылкой на писателя, имя которого дает нам ключ к некоторым суждениям Сен-Жюльена, изложенным в статье. Это Аполлон Майков⁴. Сен-Жюльен привел в статье цитаты из письма Майкова к нему и закончил статью разбором поэмы Майкова «Две судьбы», присланной ему автором.

Прежде чем коснуться этой последней части статьи Сен-Жюльена, необходимо сказать несколько слов об Аполлоне Майкове этого раннего периода. В своих произведениях второй половины сороковых годов А. Майков очень заметно отразил влияние идей Белинского. В старости он признавался сам, что не включал в собрания своих сочинений произведения этого периода, так как они слишком явно носили следы воздействия того литературного направления, к которому в конце жизни он относился враждебно.

Поэма Майкова «Две судьбы» вызвала большую рецензию Белинского. Он назвал ее «прекрасной по мыслям» и говорил о ней как о произведении, идеи которого близки ему самому. Выбором цитат из поэмы Майкова Белинский как бы раскрывал, развивал свои мысли. Он привел большой отрывок о патриотических раздумьях героя поэмы. Владимир в Италии, вдали от родины, вспоминает ее как «богатыря в цепях», как резкий контраст «дымных изб» и барского дома с его «европейским лоском» и «татарским варварством». Особенно интересна вторая цитата Белинского, взятая им из поэмы Майкова, осуждающая космополитизм. Она может служить иллюстрацией к идеям самого Белинского о патриотизме.

Именно автором поэм «Две судьбы» и «Машенька», учеником Белинского, надо представлять себе Ап. Майкова, корреспондента Сен-Жюльена, передавшего французскому журналисту свое понимание задач современной русской литературы. Сен-Жюльен привел следующую цитату из письма Майкова, посланного ему в конце 1846 г. («около года тому назад», — как пишет он в статье): «Нация, которая стремится к цивилизации, должна делать два дела, выполнять две обязанности: нужно, чтобы она одной рукой сеяла семена своих новых учений, своих новых идей, своих новых нравов, в то время как другою рукой она должна разрушать все, что тяготело над нею и сковывало в прошлом; она должна вести подкоч под предрассудки, вкоренившиеся в умы, вырывать последние тернии веков невежества и угнетения; сатира должна быть ее оружием и орудием!»

Давая характеристику героя поэмы Майкова, Владимира, Сен-Жюльен противопоставлял его Онегину и отмечал, что новый русский герой не разочарован, не пресыщен, а угнетен судьбою своей родины, к которой устремлены все его помыслы и помыслы его поколения: «Обратимся к моему герою, говорит нам г. Майков. Захватим его среди его сокровенных мыслей, мечтаний самых дорогих; послушаем его: таким образом мы нащупаем пульс всего молодого поколения моих соотечественников».

Заканчивая свою статью, Сен-Жюльен еще раз подчеркнул значение Пушкина для создания национальной литературы и общественного мнения, значение Гоголя и последующих писателей в деле демократизации русской литературы. «В этом заключается, — писал он, — плодотворность пути, по которому идет русский творческий гений. Это честь Пушкина, первого открывшего этот путь, и это честь современных русских писателей, сумевших достойно продолжать его дело».

В критической литературе Франции первой половины XIX в., посвященной русской литературе и Пушкину, среди злопыхательских статей господ де Моленов, среди невежественных сообщений о русских поэтах Потожонах, статья Сен-Жюльена занимает особое место, и не приходится сомневаться в том, что в ней нашел отклик голос передового отряда современной русской литературы. Ее стремительное развитие, начатое гением Пушкина и продолженное революционным демократом Белинским, получило оценку и признание на страницах французского журнала уже в 1847 г.

Статьи и архивные документы, о которых идет речь в двух печатаемых нами работах, далеко не исчерпывают материалы по данному вопросу. Вот почему работы эти нисколько не претендуют на полное освещение борьбы вокруг имени Пушкина, которая велась во Франции уже в первой половине XIX в. Однако и приведенные здесь страницы, полные полемического жара, отражают разные идеологии, борьбу разных политических партий.

То, что писалось в «подвалах» газет, являлось ступенью тех политических статей и отчетов о парламентских прениях, которые печатались в верхней части газеты. Вопрос о том, признать или не признать Пушкина великим поэтом, ставился в тесную связь с вопросом — признать или не признать Россию великой страной, имеющей право на свой исторический путь. Только немногие дальновидные критики понимали, какая могучая сила зрела в России в эти годы в лице ее передовых писателей, ее передовой интеллигенции. Они стремились привлечь к ней внимание соотечественников, сигнализировали им, указывая на великое явление Пушкина, на плоды работы Белинского.

В. Нечаева

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Revue encyclopédique», 1828, т. 37, кн. 109, январь. — Шопен провел годы молодости в России секретарем кн. Куракина. В 1821 г. он издал в Париже анонимно сочинение о современном состоянии России, в котором резко высказывался о крепостном праве и самодержавии.

² «L'Illustration», 1845, № 125 от 19 июля. По поводу этой анонимной статьи «О русской литературе. — Пушкин. Лермонтов. Гоголь», приписываемой Л. Р. Ланским Тургеневу, — см. ниже в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников» (примечания к письму М. Г. Карташевской от 20 августа 1845 г.).

³ См. В. Григорьев. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 77, 139—140.

С 1836 г. Сен-Жюльен совмещал работу в университете с работой библиотекаря в Румянцовском музее. См. приказ о его назначении в «Журнале Министерства народного просвещения», 1836, № 8, стр. XXXVI.

⁴ Сен-Жюльен мог знать братьев Майковых по университету, где они учились в 1839—1842 гг. Еще живя в Петербурге, он обращался к Ап. Майкову как к авторитету в вопросах русской литературы. Сохранилось его письмо к последнему от 29 января 1846 г., в котором он просил сведений о героических периодах русской истории, отразившихся в русской эпической поэзии и, выражая восхищение патриотизмом русских, перечислял ряд исторических событий, достойных стать предметом эпоса. Аполлона Майкова он называл «poète national si distingué» (ИРЛИ, ф. Майкова, 16 927/с VIII б 4).